

«Дневник» Ларисы Миллер

Лариса Миллер часто говорит о поэзии в терминах музыки. Так, она очень привязана к слову «туше» (характер прикосновения к клавишам при игре на фортепиано). Подразумеваемая под этим стиль, манера, интонация, слог... Избранная ею метафора кажется чрезмерно метафоричной, пока не узнаешь ее происхождения: «Сознаю, что сужу о музыке, как профан, и единственно что дает мне на это какое-то право — моя неразделенная к ней любовь». А в предыдущей большой книге Л.Миллер «Стихи и проза» — другое свидетельство, под которым мог бы подписаться любой стихотворец: «Я почти не знаю стихов наизусть. Наверное, это защитная реакция организма. Гораздо больше, чем поэзия, будоражат, раскрепощают и помогают писать, развязывая язык, смежные искусства: музыка, живопись...» Любовь Л.Миллер к музыке не столь неразделенна, как она пишет. Музыка отплатила ей любовью в ее стихах.

Плывут неведомо куда по небу
облака.
Какое благо иногда начать издалека,
И знать, что времени у нас избыток,
как небес,
Бездонен светлого запас, а черного
в обрез.
Плывут по небу облака, по небу
облака...
Об этом первая строка и пятая
строка...

У Ларисы Миллер очень красивые и очень музыкальные стихи. Такие стихи в начале века назвали бы слишком «de la musique avant toute chose-ными» (а так говорили о ее любимом поэте Георгии Иванове). Да, стих Л.Миллер легок и строен; мы же, читатели XX века, больше привыкли к стиху *трудному*, даже тяжеловесному и замысловатому, «тягучему» («Золотистого меда струя из бутылки стекла»). Ни плавность, ни певучая звучность нас, кажется, уже не насыщают, не за-

Лариса Миллер. В ожидании Эди-па. М., 1993.

вораживают. И, наверное, необходимо известное мужество, чтобы сохранить в такой атмосфере современного стиха легкое дыхание.

Такая тоска и такое веселье
Испить до конца это дивное зелье.
Такое веселье, такая тоска,
Что жизнь и любовь не прочней
волоска.

С 1977 по 1992 год Лариса Миллер выпустила четыре книги стихов и прозы. «В ожидании Эди́па» — пятая. Состоит из стихов, эссе, интервью, автоинтервью. Все это дано вперемежку, что создает эффект *свободы* письма, *дневниковости* — такого эффекта, возможно, и добивалась Л.Миллер. «В ожидании Эди́па» — одна из самых «дневниковых» книг, которые я читал в последнее время.

Для того, чтобы оставаться верным своему дару *откровенности* (то, что называют лирикой), откровенности ничем не ограниченной, в наше время, да и во все времена, тоже необходимо мужество. К Ларисе Миллер очень применимы слова Мандельштама: «Истинное поэтическое целомудрие делает ненужным стыдливое отношение к собственной душе».

Где бы мы ни искали ключ к поэзии Л.Миллер, мы всегда будем возвращаться к двери ее детства. Верно пишет Г.Померанц в предисловии к ее книге «Стихи и проза» 1992 года: «...В Ларисе Миллер поэт начался с незаб-

лемого детства и продолжался в верности детству (так поразительно пересказанному в прозе)».

А что такое детство? Это и предельная, даруемая только детству, полнота жизни и открытость ей. Но эта открытость таит в себе и ни с чем не сравнимый, раздробляющий и отвердевающий в зрелости страх перед жизнью.

Лариса Миллер не преодолела, не преодолевала этот страх. Мы не выискивали «подходящие» для нашей мысли строки из ее книг, их и не нуж-

Лариса Миллер и Арсений Тарковский.

но было «выискивать», ибо мимо них нельзя было пройти. Строки, обнажающие этот ее страх: «*Всегда живу в постоянном страхе за близких, чувствуя их и себя заложниками на этой земле.*»

Мир ловил и поймал меня в сети.
И не сети ли малые дети,
И не сети ли, и не тень
О любимых и малых забота?

А вот из детских воспоминаний: «С той поры смерть перестала быть чем-то доступным моему сознанию и утратила цвет. Я знала, что умирают, но умирают где-то на другом этаже, в соседнем доме, за воротами. Я еще не знала, что умирают свои, родные, те, кто совсем близко, кто определяет жизнь. (...) С годами понятие о смерти стало объемным: смерть — не только остановившееся дыхание. Это — любая утрата, любой распад, любая необратимость, в которую трудно поверить. (...) И лишь в детстве всё восстанавлимо».

И еще: «Нет ничего моего. Даже то, чему дала жизнь, принадлежит пространству. И, судорожно прижимая к груди дорожки и любимых, знаю — не удержу».

Пустоте, черноте, уходящим годам
Из того, чем жива, ничего
не отдам —
Повторяю и слез не умею унять
И теряю опять, и теряю опять...

Как-то не хочется привносить сюда «экзистенциализм», но мы действительно находим в творчестве Ларисы Миллер (особенно в ее прозе) влияния философов-экзистенциалистов и писателей, близких к такому ощущению жизни (Габриэль Марсель, Герман Гессе и др.). И страх ее хотя и человеческий, но не слишком человеческий, точнее, не просто человеческий. И когда Миллер цитирует своего любимого Мейстера Экхарта — «Все вещи созданы из Ничто. Поэтому настоящих их источник — Ничто», — мы понимаем, что настоящий источник этих ее пристрастий — не склонность к «философии небытия», а совсем уж

не средневековая, вполне современная незащищенность от страха перед жизнью или страха за нее: «С годами жизнь все усердней убеждала в хлипкости любой опоры, а мириться с этим становилось все трудней».

И все же это утешительно, утешительно, что такое есть. Потому, что только с таким чувством жизни Лариса Миллер может «жить и писать стихи».

Но еще и потому... Один из любимых писателей Л.Миллер Рильке (она приводит в своей прозе изумительные цитаты из него) писал в самом начале этого века, в сущности, о двух вещах: о детстве и страхе. О чистоте детства и чистоте страха. Затем эта чистота «обогащалась» экзистенциализмом, «страхом перед Ничто», превратно понятым «страхом и трепетом», «вытеснением детских фобий» и т.п.

И, возможно, мы ошиблись в определении влияний на творчество Л.Миллер — у нее, кажется, счастливо отсутствуют следы этих «богатств». Оглядываясь, она словно видит лишь ту, рилькевскую чистоту.

И только на обложке ее книги эта чистота нарушается. «В ожидании Эди́па» — нельзя было так манерно называть свою книгу. Это название одного из ее эссе (выражение же заимствовано из Лорки), и пусть бы оно оставалось внутри книги. Собственно, ничего предосудительного в таком названии нет, хотя из-за без вины виноватого Фрейда мы, боюсь, уже не можем говорить об Эдипе без легкой улыбки. «Иногда происходит чудо, и простой смертный превращается в Эди́па, способного разгадать загадку Сфинкса». А так ли таинственна эта загадка — если, конечно, не придавать Сфинксу излишне «символистских» черт?

Впрочем, кто знает... Ведь в загадке Сфинкса — разгадка человека.

МАНУК ЖАЖОЯН

Париж

Миллер Лариса

306

27.4.95